

Денис
Сорокотягин

СИНД- РОМ ШИШИ- ГИНА

Москва
Никея 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Москва

Не прощупывается	
<i>Вместо предисловия</i>	11
Алик	15
Бродячая Гета	21
Только мы	
<i>Этюд за месяц до Нового года</i>	24
Чуть-чуть.....	27
Малый Харитоньевский.....	30
Донор	35
Сезон потерянных перчаток.....	39
Андерсен	41
Я, дед и Люба в отсутствие мечты.....	48
Как я был Петром Первым	54
Самый лучший Zoom	62
Не забыть.....	67
Та же Анна	
<i>Записки на путях</i>	70
Колокольчик.....	74
Как я проехал Углич.....	77
Первый слой	99

До

Касли	
<i>Рассказ</i>	106
Дублёнка	116
Красная джинса	
<i>Песня незнания</i>	122

Ласточка Анна	127
Шесть на шесть	131
Няня Максим	134
Осколочные	139
Шашки	146

Синдром Шишигина

Повесть

После.....	152
Холодные ножницы.....	153
Диалог первый	161
Владлена и Шакира	166
Диалог второй	170
Чапалах.....	174
Диалог третий	179
Разлучница	183
Диалог четвёртый	192
Пасьянс	196
Диалог пятый	200
Мама приехала	203
Диалог шестой.....	212
Лёля Алерт	216
Диалог седьмой	221

Между глав **225**

Речка-река	226
Диалог восьмой	230
ЭПИЛОГ	232

Это умная,

эмоциональная

минималистская проза, во многом исповедальная, то есть — честная. Есть наблюдательность, умение работать с деталью, есть любовь к своим героям, великодушие, спокойствие, твёрдая нравственная позиция.

Денис Сорокотягин пишет: «Я продолжаю искать свой голос, своё звучание, свою свободу, своё, своих». На мой взгляд, он свой голос и звучание нашёл, но самому ему желаю в своих поисках никогда не останавливаться.

Андрей Рубанов

Блёрб

МОСКВА

Не прощу- пывается

Вместо предисловия

Екатеринбургу

Пульса нет. Одна тонкая, длинная, бесконечная линия на аппарате и звук такой монотонный, писклявый, как в каком-то фильме. Обойдёмся без дефибриллятора. Я очень вас прошу. Возвращаться — это плохая примета, доказано. И если даже посмотришь на себя в зеркало и скорчишь себе рожицу (своё истинное лицо наружу выпустишь), не поможет.

Бейся в грудь, впивайся кастетами (не твоими, взятыми тайком у отца, не твоего) в малахитовую грудь родного города, кричи не кричи — не дозовёшься.

— Пульс! Ишь чего захотел, пестрёныш! — говорит мне город голосом Бажова.

— Почему пестрёныш? — спрашиваю я город.

А город отвечает:

— Серой шейки на тебя нет. Какой же ты стал бесчувственный в этой своей Москве, как бамбуковый коврик, с помощью которого можно свернуть ролл.

Я ничего не отвечаю, я мало что понимаю в литературе, путаюсь в текстах Бажова и Мамина-Сибиряка, потому что их не читаю. И до сих пор боюсь Огневушки-посакаушки. И тех ребят во дворе, которые говорили, что она потаскушка и вообще не огонь.

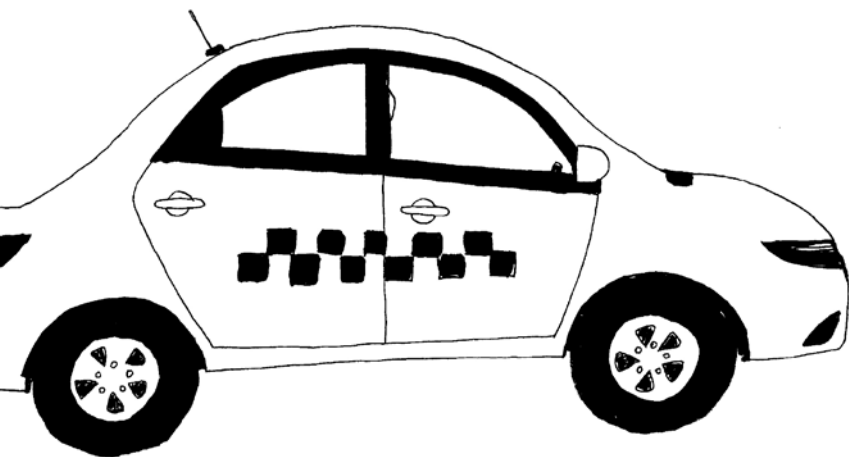
В детстве я был уверен, что Бажов, Мамин и Сибиряк — живут одной семьёй, и Бажов в этой семье за старшего, потому что с бородой.

А вообще это всё неважно. Пульс у города есть, но не про мою честь.

Вспоминал день своего отъезда из Екатеринбурга. Сидел на чемоданах, на дорожку («вас ожидает белая Киа Рио, водитель — Джафар»), прямо как три сестры все разом, вместе, в одном флаконе. Но я уехал, а они нет. Но кто их знает. А вообще я больше Ольга. Я — стоик и кладу всё на алтарь, всхлипывая внутрь, застёгиваюсь на все пуговицы, и даже ту верхнюю, которую бы надо всё-таки расстегнуть. Как ты там будешь в Москве? Там ведь все нарастопашку (уральский диалект).

Два чемодана, весом в 32 килограмма (лимит был 30, пропустили без доплаты, последний поцелуй на прощание от города). В одном чемодане — левое предсердие, в другом — правое. А где желудочек? Где-то между.

Об этом нужно писать книгу. Но зачем? Зачем брать с собой сердце родного города в чужой город? Пока ты летел, все эти два часа полёта на «Победе» сердце ныло, болело, даже останавливалось (показалось), а потом даже заводилось (сно-

ва показалось), это всё твоё сердце, в груди малахитовой (пока), а то, другое — в чемоданы замурованное, — не выдержало и сбежало из багажного отделения, когда шмонали багаж. А ты ведь даже и не заметил, что шмонали и что сбежало.

Зачем ему твоя Москва? Что оно там не видело?
Где запястье у Екатеринбургa,
чтобы нащупать его пульс?
Где твоя грудь драгоценная,
малахитовая, прежняя,
где оно всё?

На Урале больше не существует малахитовых месторождений. Все камни везут из Африки. Я давно живу с этим.

Зачем-то придумал, что водителя такси звали Джафар (в переводе с арабского — «райский ручей, источник»). А машину не придумал. Курсив мой.

Бажов умер от рака в Москве в 1950 году. Не знал. Значит, он мог ездить в метро и так же, как и я, бояться (удара турникета, досмотров, штрафов и др.).

Мамин умер от плеврита в Санкт-Петербурге и не знал о смерти Бажова, потому что умер задолго до этого. Перечитать «Серую шейку», сегодня же, проверить, насколько всё плохо.

А где Сибиряк? Умер? Что вы такое говорите. Типун вам на язык. Кто-нибудь его видел? Куда он опять за-пропасть-ился? Вот же его чемоданы стоят. Оба — его, не трогайте, он вернётся. Какая ещё примета? Нет, он всё никак не уедет. Ольга? Какая Ольга? Да, она с ним. Но они уже не вместе. Давно. Тёмная история.

А Сибиряк где-то между. Там же, где и желудочек. А вообще желудочков в сердце два — правый и левый.

Об этом надо писать книгу. И не по верхам щупать-нащупывать, а копать, и как можно глубже, до потери пульса.

Алик

Если будете проходить мимо «ИТАР-ТАССа»
не проходите мимо
Загляните в один из выемов в здании
Там, где вентиляционный выход
прямо напротив памятника Тимирязеву
Я всё это время был уверен
что из вентиляции идёт тёплый воздух
Поэтому он не мёрзнет
все эти пять московских зим
Я его вижу каждый Божий день
Но только сегодня решаюсь с ним заговорить
Его зовут Алик
1965 года рождения
Детдомовец
Родом из Баку
Христианин
Служил в Горьком
Потом в Москве
Работал парикмахером
Затем на стройке
Это всё было в восьмидесятые
На стройке платили копейки
Послал всё к чертовой матери и ушёл оттуда
Кто его мать и отец, никогда не интересовался
Без паспорта
Без семьи
Без жилья
Без зубов

И, кажется, без сожаления
Любит песни Ирины Понаровской,
особенно «Однажды»
Идеал женщины для него —
Тина Тёрнер и Далида
Гремучая смесь
Ну, может быть, ещё Анна Герман
Когда я сказал Алику, что равнодушен
к Герман
он готов был схватить меня за грудки,
но быстро остыл
На улице минус восемь, но кажется,
что все двадцать
И даже моя уральская закалка не-спа-са-ет
Алик не похож на бомжа
Хотя сам именует себя бичом
— Что с нас, бичей, взять, — повторяет
Когда я с ним говорил, не отрываясь смотрел
на его красивую каштановую бороду
Волосок к волоску
Наверное, Алик подстригает её
в общественном туалете
Всё-таки парикмахер, хоть и в прошлом
— Я себя не запускаю, как другие бичи, —
говорит с гордостью
У Алика недурной баритон
В его репертуаре песни 80-х и 90-х
В топ-листе:
● «Ты мой транзитный пассажир»
● «Я не могу иначе»
● «Покроется небо пылинками звёзд»
Спел даже песни на армянском и польском
Закончил Шаинским
Рядом стоит билборд с афишей концерта
где изображены Крокодил Гена, Львёнок,
Черепашка, Чебурашка

— Ты хоть Чебурашку знаешь? — спрашивает меня
Алик думает, что я с какой-то другой планеты
Наверное, так и есть

— Алик, а артистом не хотели стать?
У вас бы получилось.
— Хотел. Не взяли. Пришёл в «Останкино»,
там у меня попросили деньги.
Пусть выкусят, суки.

Алик знает наизусть все фотографии
на стендах «ТАССа»

Знает все морщинки, трещинки, буквы
на постерах с рекламами духов

На них красивые женщины закусывают губы
томно глядят вглубь его продрогшей души
отогревают как могут Алика в такой дубак
Мы говорим с Аликом двадцать минут
Я в термобелье

Но уже не чувствую пальцев на руках и ногах
А Алик вошёл в раж, всё поёт,
улыбаясь беззубым ртом
— Б..ть, Алик, у тебя голос прорезался? —
женский голос как труба

К нам подошла Светлана
женщина без возраста и дома
В каштановом шиньоне, стоящем дыбом
Будто бы его сделали из аликовой бороды
Она — подруга Алика
Если они сядут рядом, прижмутся друг к другу
попами
то займут всё пространство итартассовского выема
Светлана рассказывает мне, что она поклонница
Виктора Королёва

— Знаете хоть, кто это?
— Знаю (честно, не вру)

— Б..ть, ребята, на вас деньги можно
заколачивать, — аплодирует нам Светлана
— Денис, у меня, между прочим,
две с половиной тысячи стихов, — говорит мне она
— Ничего себе...
— За тридцать лет деятельности накопилось.
Алик, да заткнись уже, хорош петь,
дай поговорить с человеком.
— А прочтите что-нибудь из последнего?
— Ещё чего! Я свои стихи никому не читаю.
— Понятно...